

ГЕРБЕРШТЕЙН И РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ

«Записки о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна, вышедшие в свет в 1549 г., были одним из первых опубликованных сочинений, которые знакомили западноевропейского читателя с русскими летописями. Автор «Записок» часто ссылается на этот источник. К сожалению, интереснейший памятник, посвященный политике, истории, географии, быту и правам России первой половины XVI в., хотя и неоднократно использовался в нашей историографии, до сих пор изучен слабо. Анализ летописных источников «Записок» имеется только в двух статьях.¹ В первой, которая вышла более ста лет назад, сделана попытка сопоставить некоторые сообщения Герберштейна с известными Лаврентьевской и Софийской летописей. Вторая работа принадлежит перу известного последователя А. В. Флоровского. Сделав сверку известных «Записок» со всеми доступными ему летописными текстами, автор пришел к выводу, что «как по своему составу, так по содержанию летописный свод, использованный Герберштейном, ближе всего соответствует московским летописным сводам и из них в особенности сводам Воскресенской, Львовской, Ермолинской, Симеоновской, Пискаревской, Новгородской 4-ой летописи; Тверской и Софийской первой летописи». Но в конце статьи А. В. Флоровский дает совсем неутошительное резюме: «Оригинальность летописных известий, приведенных Герберштейном, исключает пока возможность совершенно точно и определенно восстановить содержание и состав его источника».²

Проявившийся за последние годы интерес к нарративным иностранным источникам по истории Руси, выход в свет ранее неизвестных летописных памятников позволяют, на наш взгляд, снова поставить вопрос о соотношении летописей и «Записок» и тем самым продолжить изыскания, начатые И. Корелкиным и А. В. Флоровским.

Весь текст Герберштейна, посвященный русской истории, концентрируется преимущественно в двух разделах: во «Вступлении» и в главе «О титарах». Оба раздела основаны на русских летописных источниках.³

¹ Сигизмунд барон Герберштейн, его жизнь и значение, как писателя о России. Сочинения кандидата И. Корелкина, П. Григорювича и студента И. Попикова. Сборник, издаваемый студентами Императорского Петербургского Университета, вып. 1, СПб., 1857; А. В. Ф л о р о в с к и й. Каким летописным текстом пользовался Герберштейн? Уч. зап. Высшей школы г. Одессы, т. 2, 1922.

² А. В. Ф л о р о в с к и й. Каким летописным текстом пользовался Герберштейн? стр. 79, 80.

³ Для изложения русской истории Герберштейн использовал, помимо летописей, русские (Судебник; Иван III, церковный устав Владимира, посла-

Одним из первых исторических сообщений, заимствованных Герберштейном из летописей, является статья о происхождении славянских племен и их расселении: «Что ж касается происхождения их народа, то у них нет никаких известий, кроме летописей, приведенных выше: именно, это народ Славянской на племени Пафета некогда поселился у Дунай, где царь Венгрия и Булгария, и тогда назывался он Порками; наконец он разбрелся и расселился по разным землям, причем получил названия от местностей, именно Морана от реки, другие Очеги, то есть Богемцы, точно так же Хорваты, Белы, Серблы, т. е. Сербинцы (Сербы); те, которые поселились у Дунай, были названы Хорватанцами приди к Висле, они получили имя Лехов от некоего Леха, князя Польского, от которого и поныне Поляки именуются Лехами. Другие — Литовцы, Мазовцы, Померанцы, иные между Двиной и Припятью (Рети) были названы Дрегоичами; другие Подлепчанами, у реки (Ротне), которая впадает в Двину; иные около озера Млечи, которые звали Новгород и поставили себе князем именем Гостомысла; другие по рекам Десне и Суле были названы Северыми или Северскими; другие же были воеводы Волги и Борисфена получили имя Кривичей; их крепость и столица Смоленск. Так свидетельствуют их летописи».⁴ Статья представляет значительный интерес. Структура изложения, упоминание о Гостомысле, написание некоторых собственных имен как будто позволяют предположить, что эта статья заимствована из позднего летописного источника, возможно новгородской редакции. Аналогичные статьи древнейших летописей Лаврентьевской и Ипатьевской отличаются от известия Герберштейна.⁵ Подробности, приведенные автором «Заниско», таковы, что, видимо, можно несколько конкретнее определить источник (или группу источников), послуживший материалом для известия о происхождении славян. Отметим прежде всего, что некоторые летописи, например Рогожский летописец, Тверская летопись,⁶ сократили текст статьи и, следовательно, не могли служить источником для автора «Заниско». Структура статьи других позднейших летописей отличается от структуры известия Герберштейна. Так, в Сафрийской, Воскресенской, Циконовской, Вологодско-Черемской летописях известие о происхождении славян разбито ветвистой (описание пути из Варг в Греки, о при-

ше и прихода митрополита Иоанна III, возвращение Бориса, сын великого Дмитрия Ивановича, русский дорожник, провозное литви Ольги и Владимира) и иностранное (картографические материалы Николай Куликовского и Антоана Вуда были неиспользованы для карты Руен; сочинения Иоганна Фабра, Павла Ноова и Альберта Кампенаро использованы, хотя и не полностью, для описания географии Руен, была и правая московитов) источники.

⁴ Герберштейн, Заниско в Московских делах. СПб., 1908, (далее — Герберштейн), стр. 3.

⁵ Там же, ср.: НСРЭ, т. 1, столб. 5, 6; т. 11, столб. 5.

⁶ НСРЭ, т. XV, ч. 1, столб. 9, 10; ч. 2, столб. 18, 19.

ходе из Русь апостола Андрея, легенда об основании Киева и др.). Эта вставка отсутствует в тексте сообщения Герберштейна.⁷ И только третья группа памятников (к которой принадлежат летописные своды 1497 и 1518 гг. — Уваровская летопись) содержит статьи, не имеющие вставок и близкие по структуре к структуре известия Герберштейна.⁸

Интересны и другие наблюдения. У Герберштейна читаем — «где теперь Венгрии и Булгарии»; в Софийской I и в Воскресенской — «Угорская земля и Болгарская»; в Никоновской — «Угорская земля и Болгарская»; в своде 1493 г. — «Угорская земля и Болгарская»; в своде 1495 г. — «Оугорская земля и Болгарская»; в своде 1480 г. — просто «Угорская земля»; во Львовской — «Угорские земли и Болгарская»; в Типографской — «Угорская земля и Болгарская». И только в сводах 1497 и 1518 гг. обнаруживаем чтение, более близкое к чтению Герберштейна. — «где же шле Оугри и Болгаре».

В «Записках» при перечислении славянских племен допущена неточность. Герберштейн пишет, что к славянам принадлежат «Хорваты, Белы, Серблы». Автор «Записок» превратил термины «Белые Хорваты» в название двух племен — «Хорваты» и «Белые». Можно было бы полагать, что здесь сталкиваемся с ошибкой Герберштейна, вызванной неправильным прочтением текста, тем более что названия «Хорваты» и «Белые» отсутствуют в большинстве памятников. Но это не ошибка автора «Записок». В сводах 1497 и 1518 гг. читаем «Хорваты и Белы». Таким образом, надо предположить, что Герберштейн использовал памятник, у которого чтение были идентичны чтению этих сводов.

Наконец отметим, что заключительный фрагмент известия Герберштейна о расселении северной по рекам Днестру и Суле и о крипчах с центром в Смоленске наиболее близок к аналогичному отрывку свода 1517 г. В других летописях этот отрывок либо отсутствует, либо его редакция отличается от редакции Герберштейна.

Видимо, надо признать, что структура и чтения анализируемого отрывка близки к структуре и чтению соответствующего известия свода 1518 г.: «Бысть словенский язык от племени Афегова, нарицаемый поверцами, иже седишу по Дунаеву, иде же ныне Оугри и Болгаре; и от них разидошася по земле и прозваша своии имени седши на котором месте. Первии седоша на рече Моравии нарикоушася Морави, а инии Чеси, а инии Хорвати и Бели, и Сербии, а инии Хорутане, а инии на Дунае, и найдоша на них Волохи, а населяху им. Они же седиша на Висле, и прозвашася Дыхи, а инии Лутичи, а инии Литва, а инии Ма-

⁷ ИСРЛ, т. V, стр. 82, 83; т. VIII, стр. 262, 263; т. IX, стр. 3, 4; т. XXVI, стр. 10—13.

⁸ ИСРЛ, т. XXVIII, стр. 13, 107.

зюванне, а нини Померяне. А нини седоша по Днепру и нарекошася Поляне, иде же Киевская земля, иже были и пих три брата Кий, Щок, Хорив, по его имени Киев, тем бо и первое созда его. А нини Дреговичи, седоша бо в дегех. А нини седоша межи Двина и Припечи, и нарекошася Дреговичи. А нини Полочени, иже на рече Полоте, иже течет в Двину. А нини на озеру Иалмерю, иже зовутся Новгородци; зделаша бо град и старейшину Гостомысла посадилши. А по Двине, и по Семи, и по Суде — Севера. А нини Кривичи, иже седит на верх Волги, и Двина, и Днепра, их же город Смоленск, и прочии полотские». ⁹

Дальнейшее изложение русской истории строится Герберштейном в полном соответствии с фактами, приведенными в Повести временных лет. Автор «Записок» сообщает о возникновении славянского алфавита, созданного «в 6406 году от сотворения мира», о дани, которую платила Русь хозарам и варягам: «На этих летописях известно, что народ Козары (Cosarog) обложило некоторых Русских в качестве дани большими шкурками с какадого дома, а точно так же, что над ними властвовали Варяги (Viarogis)». ¹⁰ В слове 1518 г., например, читаем: «... ишаху дань Варяги из-за моря на Чюди, и на Словенех, и на Веги, и на Кривичех. А Казари — на Полонех, и на Севере и на Витичех, но беле верице от дыма». ¹¹

Но вот Герберштейн сообщает о признании варягов: «Гостомысл, муж благоразумный и пользовавшийся большим влиянием в Новгороде, посоветовал послать к Варягам и побудить принять власть трех братьев, именным там большое значение». Далее Герберштейн сообщает, что приглашенные князья прибыли на Русь, «Юрик получает княжество Новгородское и помещает свой престол в Ладоге, на XXXVI немецком миль ниже Новгорода великого», Синегус сел на Белом озере, «а Трувор в княжестве Псковском, в городе Изборске». Продолжая повествование, Герберштейн пишет: «Русские хвалятея, что эти братья происходили от Римлян, от которых пошел, как они утверждают, свой род и нынешний Московский государь. Вступление этих братьев в Руссию было, по Летописям, в 6370 году от сотворения мира». ¹² Дату призвания варягов — 862 г. — находим, кажется, во всех летописях. Но остальные факты почти неизвестны летописным источникам. А. В. Флоровский предположил, что известия о варягах были заимствованы Герберштейном из Воскресенской летописи. ¹³ Действительно, она сообщает, что Гостомысл, старейшина новгородцев, советует призвать в Новгород

⁹ ИСРЛ, т. XXVIII, стр. 167.

¹⁰ Герберштейн, стр. 3.

¹¹ ИСРЛ, т. XXVIII, стр. 167.

¹² Герберштейн, стр. 4, 5.

¹³ А. В. Флоровский. Каким летописцем текстом пользовался Герберштейн? стр. 74.

князя Рюрика и его братьев.¹⁴ Но, по Воскресенской летописи, приглашались правители от «Немец» на «Прусской земли», тогда как у Герберштейна князя пригласил из «Варягов». О «римском происхождении» Рюрика в Воскресенской летописи рассказано пространно, у Герберштейна — кратко, причем источник этого известия, видимо, устный. Сообщение о том, что Рюрик сел не в Новгороде, а в Ладоге, неизвестно летописным сводом середины XV—начала XVI в. Это сообщение находим в ранних летописях: Ипатьевской, Летописце Переяславля Русского, где использована III редакция Повести временных лет.¹⁵ Легенда о княжении Рюрика в Ладоге могла стать известна Герберштейну и в устной передаче (как увидим, Ипатьевская и Летописец Переяславля Русского не были использованы в «Записках»). Итак, сообщение о призвании Рюрика носит характер сложной комбинации, причем в значительной степени на шестом Герберштейна повлияли устные предания.

Заключив изложение сообщения о призвании князей, Герберштейн продолжает кратко пересказывать Повесть временных лет: он пишет о смерти Рюрика, о правлении его «родственника» Олега, о походах на Константинополь. В точном соответствии летописной легенде «Записки» сообщают о том, что «После тридцатитрехлетнего царствования он (Олег, — Ю. Д.) случайно наступил ногою на голову или череп своего коня, давно уже умершего, и погиб, пораженный укусом ядовитого червя».¹⁶ Очень кратко говорится о правлении Игоря, о войнах с Византией, об убийстве Игоря «Малодитлом, Древлянским князем» (так Герберштейн называет летописного князя Мала).

Привлекает внимание рассказ о мести Ольги древлянам. Он несколько отличается от аналогичного известия, например, Воскресенской, Софийской, Типографской, Львовской летописей, где это сообщение распространено и содержит множество фактов (заметка о походе на древлян малолетнего Святослава, прямая речь, диалоги Ольги и древлянских послов).¹⁷ Текст Герберштейна скорее близок к тексту сводов 1497, 1518 гг. и Ермолинской летописи, который лаконичнее, хотя и передает основные факты. Развернутых диалогов, истинных эпизодов о Святославе из сообщения «Записок», ни известные упомянутых летописей не знают. Некоторая текстологическая близость наблю-

¹⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 267, 268. Подробное, но в другой редакции, отличающейся как от Воскресенской летописи, так и от Герберштейна, находим известие о призвании Ростомовцем князей из «Прусе» в тексте Хронографы, предисельничьего Ленинградскому списку Никоновской летописи, а также Хоямогорской летописи (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 140, 141; ГИИ, Погодин. собр., № 1405, лл. 10 об.—12).

¹⁵ ПСРЛ, т. II, столб. 14; ЛПС, стр. 5.

¹⁶ Герберштейн, стр. 5.

¹⁷ Герберштейн, стр. 5; ср.: ПСРЛ, т. V, стр. 102—103; т. VII, стр. 283—285; т. XX, ч. 1, стр. 55—57; т. XXIV, стр. 20—21.

дается и в конце известия. У Герберштейна: «Захватив таким образом все крепости Древлни и отомстив за смерть мужа, Ольга возвращается в Киев». Цитата, видимо, близка к концовке свода 1518 г.: «И взем все грады их и, прияв землю ту, иде к Киеву», но отличается от заключительной фразы Воскресенской и Софийской летописей: «И иде Ольга по Деревской земле с сыном своим и с вой своими, устанавлиючи уставы и уроки. . .»¹⁸ Отметим, что известие Герберштейна ничего не сообщает о дальнейшей судьбе древлянского князя Мала, так же как свода 1497 и 1518 гг., тогда как Ермолинская дает чтение: «. . . уби их (древлян, — Ю. Л.) 5000 и князи их Мала».¹⁹

Сообщение о крещении Ольги в 6463 году, «в правление Мована, царя Константинопольского», и о причислении ее к лику святых сложное и основано на двух источниках. О пребывании святицы в Византии сообщают многие летописи XV—XVI вв. (причем дружно повторяют ошибку: в этот момент в Константинополе правил Константин VII Порфирородный).²⁰ Конец известия, как отметил А. В. Флоренский, относится к продолжению жития Ольги, которое было известно Герберштейну.²¹

Подробно сообщает Герберштейн о походах Святослава, о распределении княжений среди его сыновей. Весь рассказ «Записок» находит себе параллель в Повести временных лет.²² Оставившись лишь на заключительном известии Герберштейна: «Наконец в 6480 году от сотворения мира Курес, князь Печенег (Piezenogom), убил его (Святослава, Ю. Л.) на засаде и, сделав из его черепа чашу, оправил ее в золото и сделал на ней надпись: «Ища чужок, он потерял свое». Об убийстве Святослава печенегами известно всем летописным памятникам, но надпись на чаше, кажется, особенность определенной группы позднейших источников. Во Львовской летописи читаем: «чюжком ище силы жалая, и своя си погуби за премногую его неспытность»;²³ в Ермолинской — «чюжих ища, своя погубих», в своде 1518 г. — «чужаяи желая, своя погуби».²⁴

¹⁸ НСРЛ, т. XXVIII, стр. 169; ср.: т. VII, стр. 285.

¹⁹ Герберштейн, стр. 5; НСРЛ, т. XXVIII, стр. 15, 169; ср.: т. XXIII, стр. 6.

²⁰ НСРЛ, т. V, стр. 104; т. VII, стр. 285; т. XX, ч. 1, стр. 58; т. XXIII, стр. 7; т. XXIV, стр. 22, 23; т. XXV, стр. 352; т. XXVIII, стр. 169. В Лаврентьевской также указано, что Ольга «приде Царюгороду бе тогда царь именем Цемькии» (НСРЛ, т. I, столб. 60). Но предположить, что Герберштейн использовал текст Лаврентьевской, невозможно, эта летопись не знает имени императора. Слово Цемь в ней пропущено.

²¹ А. В. Флоренский. Каким летописным текстом пользовался Герберштейн? стр. 73.

²² НСРЛ, т. V, стр. 110; т. VII, стр. 284—291; т. IX, стр. 38; т. XXIV, стр. 27; т. XXV, стр. 356; т. XXVI, стр. 19, 20.

²³ НСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 63.

²⁴ НСРЛ, т. XXIII, стр. 9; т. XXVIII, стр. 171.

Герберштейн рассказывает и о начавшейся расправе между сыновьями Святослава после его смерти. Рассмотрим сообщение о смерти Олега Святославича,²⁵ которое по своей композиции напоминает сообщения сводов 1497, 1517 гг. и Ермолинской летописи. В начале рассказа кратко изложена непосредственная причина столкновения между Олегом и Ярополком.²⁶ В «Занесках» читаем: «Но смерти Святослава один из вельмож, по имени Свядолт (Svadolt), отправился в Киев к Ярополку и просил его с большим усердием и настойчивостью, чтобы он прогнал с царства брата Олега за то, что тот убил его сына Лютя». В своде 1518 г.: «Оуби Олег Святославич и довах Свинтелдя сына, Лютя, и за то Свинтелд безпрестани поуициваше Ярополка на Олга, да возместь власть его, хотя мести сотворити про сына». В одних летописях (Софийской, Воскресенской, Никоновской, Мьяновской, Типографической и в своде 1480 г.) непосредственная причина междоусобицы войны изложена очень подробно: описана сцена встречи Олега и Святослава, приведен диалог действующих лиц.²⁷ В Вологодско-Пермской, Никаноровской летописях, напротив, этот эпизод сокращен до строки, причем Лют назван сыном не Свенельда, а другого советника Ярополка — Влуда.²⁸ В своде 1495 г. причина распри между Ярополком и Олегом неизвестна, а Свенельд вообще не упоминается.²⁹ В своде 1493 г. имя Свенельда также отсутствует, а его сын Лют (он назван Лютим) стал повзводой Ярополка: «Уби Олег Свенльдича, именем Лота, Ярополка посполу»³⁰.

Конец рассказа Герберштейна также подходит на заключение сводов 1497, 1518 гг., в которых изложение идет от личное, но сохранены основные подробности. Этим рассказ отличается от распространенного сообщения Софийской, Воскресенской, Никоновской, Мьяновской, Типографической и свода 1480 г. Безусловно, нет совпадения и с предельно сокращенными известиями другой группы летописей: Вологодско-Пермской, Никаноровской и сводов 1493 и 1495 гг. Вот как изложена у Герберштейна и в сводах 1497 и 1518 гг. эпизод поисков тела Олега и речь Ярополка, обращенная к Свенельду, пад труном Олега:

Герберштейн

«... когда его тело (Олега. — Ю. Л.) нашли среди трунов и принесли ему (Ярополку, — Ю. Л.) на глаза, то

Своды 1497 и 1518 гг.

«И одна доискалася его под многими трунами и, вынесши, положиши его. Речь же Ярополк Свинтелду:

²⁵ Герберштейн, стр. 7.

²⁶ РСРЛ, т. XXIII, стр. 10; т. XXVIII, стр. 16, 171.

²⁷ РСРЛ, т. V, стр. 110; т. VII, стр. 202; т. IX, стр. 38; т. XX, ч. 1, стр. 63; т. XXIV, стр. 28; т. XXV, стр. 236.

²⁸ РСРЛ, т. XXVI, стр. 20; т. XXVII, стр. 22.

²⁹ РСРЛ, т. XXVII, стр. 313.

³⁰ Там же, стр. 193.

жиллину на него, Ярополк послышал: «Сыдеалт, вот чего ты женил!» Затем Олег был погребен.

«Ниже сего ты хотел». И погребениа Олга оу Ярополге.

Для сравнения приведем текст этого рассказа и Никоновской летописи: «И посла Ярополк некаги его, и влациша трупне из гробли от утра и до вечера, сиречь весь день, и на другой день и девитый час обретоша труп его и мертвых телесех по рие, и вниаше положиша и на ковре. И прииде Ярополк, над него и плакася горко зело, и позови глаголи: „у люте мне, брате мой драгий! лучше бы мне умерети, а тебе живу быти: но она вся сотана сотвори лукавством своим“, и обратися рече Сыдеделу: „нижкь сие, ты сего хотиши и сотвори“. И погребоша его на месте у града, домоного Вручаг, и есть могила его и до сего динь». В сокращенном издании Вологодско-Пермской, Пискаревской и сводов 1493 и 1495 гг. речь Ярополка отсутствует. Отметим, что концовка известия Ермолинской летописи также не совпадает с известием Герберштейна. Памятник сообщает не только, что могила Олега существует «до сего динь», но и другие подробности. В отличие от других летописей Ермолинская содержит следующее чтение: «И плакася о нем Ярополк и вси вои его». Сообщения о плаче войска Ярополка ни в одной из летописей нет.

Итак, рассказ «Записок» о борьбе Ярополка и Олега, пожалуй, наиболее близок к известию сводов 1497 и 1518 гг.

Далее Герберштейн повествует о борьбе Владимира с Ярополком. Структура известия, как и во всех других «летописных» сообщениях книги, напоминает структуру изложения сводов 1497 и 1518 гг. В других летописях (Воскресенской, Софийской, Никоновской) текст о начале столкновения Владимира с Ярополком разбит многочисленными вставками (сообщения о приходе к Ярополку греческих послов, о походе Ярополка на печенегов, о приходе в Киев печенежского князя Илдеи и другие). У Герберштейна и в сводах 1497 и 1518 гг. текст рассказа о междоусобице сплошной, он не содержит вставочных известий.²¹ Даже для известия Ермолинской летописи, столь близкой к своду 1518 г., характерны некоторые особенности, которых нет в сводах 1493 и 1518 гг. и в «Записках». Так, Ермолинская, рассказывая о возвращении от Рогнеды послов Владимира, указывает место, где остановился Владимир, осаждавший Киев; приводит обширную сенсацию по поводу предательства советника Ярополка Влуда; сообщает, каким образом расчленился Владимир со своими варяжскими наемниками.²²

²¹ Герберштейн, стр. 8; ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 17, 171; ср.: т. V, стр. 114; т. VIII, стр. 192; т. IX, стр. 39.

²² ПСРЛ, т. XXIII, стр. 11, 12. Эти же вставки находятся в своде 1480 г., во Львовской и в Типографской летописях. ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 64, 65; т. XXIV, стр. 29; т. XXV, стр. 357.

Один из фрагментов рассказа о междоусобице заслуживает самого пристального внимания. Повествуя о неудачах Ярополка, Герберштейн пишет: «Ярополк, питавший доверие к своему советнику, убежал в Родню (Roden), к устьям Роси (Iursae), считая себя там безопасным против нашествия со стороны брата». Хорошо известное сообщение, повторенное почти всеми летописями. Но обращает на себя внимание латинская транскрипция русских географических названий: Roden (Роден) и Iursae (Урс). А. И. Малеин правильно, переводя на русский эти термины как «Родня» и «Рось», сохранил в тексте их первоначальное написание, принадлежащее Герберштейну, который точно воспроизвел латиницей русские названия памятника, использованного в «Занесках». Различения географических названий позволяют установить довольно точно источник «Занесок». В Никоновской — Ярополк «затворися во граде Родне на устье Реси»; в Софийской — «во граде Родне на устье Роси»; в своде 1480 г. — «в граде Родне на устье у Реси»; во Львовской — «во граде Родне на усте Реси»; в своде 1493 г. — «во граде Родне на усте Реси»; в Типографской — «в граде Родне на усть Оурси»; в своде 1493 г. — «во граде Родне на усте Реси», в Воскресенской — «во граде Родне на усть Урси». ²² Никаноровская, Вологодско-Нормская летописи этого сообщения не знают; в Ермолдинской летописи и в своде 1495 г. фрагмент сокращен — нет упоминания реки Роси. ²⁴ Только в сводах 1497 и 1518 гг. находим сообщение, что Ярополк «ем вери ему (Блуду, — Ю. И.), бежа в Родешь (и Роден — свод 1497 г.) на оусть Оурси, и затворишася». ²⁵ Как видим, совершенно идентичное написание у Герберштейна («Roden», «Iursae») и в сводах 1497 и 1518 гг. [«Родешь» («Роден»), «Оурси»].

В «Занесках» находим сообщение о напечене изолческих богов: «Владимир поставил в Киеве много идолов. Первый идол, по имени Перун (Perun), был с серебряной головой, остальное же было у него из дерева. Другие идолы назывались Услад, ²⁶ Корса, Дясна, Стриба, Симергли и Макот; им он закапывал жертвы; иначе именовались Кумирави (Simeri)». ²⁷ Во многих летописях (Софийской, Воскресенской, Никоновской, Ермолдинской, в своде 1480 г.) обозначено место расположения пантеона — «вне града на холму» или «вне двора теремного» на холме, более подробно сказано о жертвах. ²⁸ В некоторых летописях иногда слово «кумира» заменено словом «болваны». Ближе к сообщению Герберштейна

²² ПСРЛ, т. V, стр. 112; т. VII, стр. 293; т. IX, стр. 40; т. XX, ч. 1, стр. 65; т. XXIV, стр. 29; т. XXV, стр. 357; т. XXVII, стр. 191.

²⁴ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 11, 12; т. XXVI, стр. 20; т. XXVII, стр. 22, 313.

²⁶ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 17, 171.

²⁷ Так Герберштейн прочел слова: «ус злата».

²⁸ Герберштейн, стр. 9.

²⁹ ПСРЛ, т. V, стр. 112; т. VII, стр. 295; т. IX, стр. 41; т. XXIII, стр. 12, 13; т. XXV, стр. 358.

лаконичное известие свода 1518 г.: «И постави кумпры: Перуна древина, и главою серебряну, а ус злат; и Харса, и Джаба, и Стриба, и Семаргла, и Мокошь, из же вси люди жриху».³⁹

При перечислении сыновей Владимира у Герберштейна допущена ошибка: пропущены Мстислав, Судислав и Позвизд, а Вячеслав ошибочно назван Заславом.⁴⁰

В соответствии с летописным текстом Герберштейн упоминает о «скачолобии» князика Владимира, который «имел в высокой крепости (и Вышгороде) триста наложниц, в Белгороде — также триста, в Берестове селе (Berestovno Selve) — двести».⁴¹ Краткость фрагмента как будто затрудняет определение его происхождения. Отметим только, что этот отрывок не был замечен ни из Никоновской, Ермолицкой летописей, ни из свода 1495 г. В последнем этого фрагмента нет, а в Никоновской для усиления впечатления добылено, что Владимир имел еще 300 наложниц в Родне; в Ермолицкой вместо 200 в Берестове указано 300.⁴²

Герберштейн кратко излагает дальнейшие события, последовавшие после захвата Владимиром Руси. В «Латинских» ставятся внакибрица с известием о крещении Владимира, датированном 6496 г., об основании города Владимира, о причислении к лику святых Владимира и его сыновей Бориса и Глеба.⁴³ Период смуты Герберштейном намеренно пропущен (это отмечено им в тексте), упоминает лишь Владимир Мономах, который оставил «после себя некоторые драгоценные украшения, которые и поныне еще они (русские, — Ю. Л.) употребляют при венчании князей». Очень суммарно изложены события XIII—XV вв. Некоторые эпизоды (Мамаевы побоище, борьба Василия с Шемякинцами) заставляют думать, что, помимо устных рассказов, Герберштейн использовал и московские летописные своды. В этой связи интересно сообщение о «визите» великого князя Симеона Ивановича в Орду к Джанибеку (Чаибеку).⁴⁴ Это известие наши летописи датируют 1342 г. А. В. Флоровский указывал на то, что это сообщение возникло в результате соединения Герберштейном двух известий: о пребывании великого князя в Орде и о притеснении «муках», которые претерпел митрополит Феогност от татар, отлучивших его «иза Москву» только после даров, полученных приближенными хана.⁴⁵ Возникновение подобного сообщения не случайно и, видимо, является результатом одновременного использования Герберштейном двух источников. Так,

³⁹ ИСРЛ, т. XXVIII, стр. 171.

⁴⁰ Герберштейн, стр. 9.

⁴¹ Там же.

⁴² ИСРЛ, т. IX, стр. 41; т. XXIII, стр. 13; т. XXVII, стр. 313.

⁴³ Герберштейн, стр. 9, 10.

⁴⁴ Там же, стр. 10.

⁴⁵ Герберштейн отмечает, что великий князь пытался получить у хана ярлык на Тверское княжество. Летописи об этом умалчивали.

автор «Записок» пишет, что Джанибек, золотоордынский хан, потребовал с великого князя «годовой дани»,⁴⁶ но татарские пельможи, подкуленные подарками Симеона, ходатайствовали за него и добились того, чтобы он не платил. Из летописей известно, что подкупил татар митрополит, а не великий князь. Но интересно другое известие: о раздаче подарков. Ни одна из летописей, за исключением Никоновской, и дарах не сообщает. В летописях читаем: Феогност «послал посула 600 рублев или он «разасул 600 рублем».⁴⁷ В Никоновской находим: «митрополит же царю и царице и князем раздаде 600 рублев, и тако отпусти его царь со всем еущим на Русь».⁴⁸ Вероятно, именно Никоновская летопись и дала сообщение о дарах татарским феодалам.

Привлекает внимание и другая особенность известия: структура сообщения. Как мог возникнуть рассказ, являющийся синтезом двух отдельных повествований о Симеоне и Феогносте? Во всех летописях эти известия, хотя и находятся в одной статье, четко разделяются, совершенно самостоятельны, иногда между ними находится обширный фрагмент текста. Лишь в своде 1518 г. оба сообщения объединены: «Князь великий иде в Орду к Жанибеку и Феогност митрополит с ним. . . Того же лета иде на Орду князь великий Симеон. А на весну, о середохрестии, иде на Орду Феогност митрополит».⁴⁹ И далее идет рассказ о дарах. Подобная конструкция известия наиболее близка к структуре рассказа Герберштейна. Отметим, что такая близость фрагментов дает наиболее вероятное объяснение ошибке, допущенной Герберштейном, соединившим два самостоятельных рассказа. Итак, если наши предположения верны, то в рассказе о походе великого князя Симеона в Орду сталкиваемся с использованным двух источников: летописи, близкой к Никоновской, и летописи, известие которой по своей конструкции напоминало сообщение свода 1518 г.

События начала XVI в. — о русско-литовской войне, о переходе на сторону Ивана Васильевича князей Стародубского и Шемитича, «которые владели доброю частью Северной области и прежде повиновались князьям Литвы», о битве на реке Водруш — изложена в «Записках», видимо, на основании устных источников. Возможно, информаторами Герберштейна были непосредственные участники описываемых событий. На это указывают подробности, которых нет в летописных источниках (рассказ о тактических маневрах русских войск, эпизод, повествующий о стычке разведчиков, и другие). В то же время фактические данные, приведенные в летописях (Никоновской, своде

⁴⁶ В летописях читается «пожестия дани». Герберштейн первым этот термин как «годовой дань».

⁴⁷ ПСРЛ, т. VIII, стр. 209; т. XXVIII, стр. 231.

⁴⁸ ПСРЛ, т. X, стр. 215.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 231.

1518 г.). отсутствуют у Герберштейна. «Занески» не знают даже имени русского воеводы, разбившего литовцев, совершенно отсутствуют даты событий.

Надо полагать, что последний факт, замеченный Герберштейном из летописей, это сообщение: «Умер же знаменитый Иван великий в 7014 году от сотворения мира». Изложение истории и политики Руси XVI в. Герберштейн предпочитает вести на основе устных сообщений участников событий. Такими очевидцами были и князь Курбский, и Иван Челюдит, воевода, потерпевший поражение под Оршей в 1514 г., и, видимо, Михаил Глинский, заслуживший столь лестные отзывы в «Занесках».

Второй раздел книги — «О татарах», повествующий об истории России и русско-татарских отношениях, также представляет интерес. Герберштейн указывает, что о татарах и о происхождении этого народа «многие шведы много и повсюду; повторить это в настоящем месте было бы скорее скупо, чем полезно», поэтому автор привлекает русские источники. Обширный раздел книги целиком основывается на русских летописных источниках. Герберштейн пишет: «И стал необходимым написать кратко о том, что я узнал сам в Русских летописях и из сообщений многих людей».⁸⁰

«Занески» подробно рассказывают о происхождении татар, о их походах на Русь, о битве на Калке, нашествии Батая, походе татар в Венгрию. Герберштейн сообщает о междоусобицах в Орде, о приходе русских князей за помощью на великое княжение, о татарских набеггах. Подробно в «Занесках» повествуется о Тамерлане и его походах. Все это изложено в соответствии с данными русских летописей.

Даже беглый просмотр комплекса известий заставляет предположить, что Герберштейн, как и в первом разделе книги, использовал последний летописный источник. Только в одной из групп общерусских сводов конца XV — начала XVI в. сохранился хронографический отрывок (небольшая «Повесть») о походе Батая в Венгрию, о его сражении с королем Владиславом, который будто бы и убил татарского хана. Этот отрывок читаем и в «Занесках»: «Как повествуют летописи, этот Батый был убит в Венгрии Влаславом (Vulaslavu), королем Венгерским, который после крещения получил имя Владислава и был причислен к лику святых. Именно когда Батый ушел с собой сестру короля, случайно доставшуюся ему при опустошении королевства, то король, движимый и любовью к сестре, и негодованием, погнался в погоню за Батыем; но во время нападения Владислава на Батая сестра схватила оружие и явился на помощь предлюбодею против брата. Тогда король в гнев убил сестру вместе с предлюбодем Батыем».⁸¹ Отрывок находим и Московском летописном

⁸⁰ Герберштейн, стр. 137.

⁸¹ Там же, стр. 139.

своде 1480 г., в сокращенном своде 1497 г., в своде 1518 г., в Типографской, Лыбонской, Никоновской летописях и в Тверском сборнике.⁵²

Битву на Калке Герберштейн датирует 6533 г. от сотворения мира (видимо, 6533 — опечатка, надо читать 6733 г., т. е. 1225 г.). В Никоновской летописи это событие датируется также 6733 г. Другие летописи определяют время битвы более точно — 1223 (1224) г.

Рассказывая о нашествии татар на восточных соседей Руси, Герберштейн пишет, что Батый «завил Булгарию, которая находится на Волге ниже Казани».⁵³ Подобное определение положения Волжской Булгарии с помощью сравнительно позднего географического термина («Казань») вызывает удивление. Естественно, в летописных статьях первой четверти XIII в. он отсутствует. Единственным исключением является Никоновская летопись, в которой находим известие, что татары «полюбили всю землю Волгарскую, глаголемую Казанскую».⁵⁴

При перечислении татарских ханов в «Записках» сталкиваемся с известием о правлении хана Узбека. «Этому Батыю наследовал во власти Узбек (Asbeck); он умер в 6834 году от сотворения мира. Место Узбека занял сын его Чанибек (Zanabeck), который, желая царствовать один и без всякого опасения, убил своих братьев».⁵⁵ Сообщение предстает интерес. Транскрипция «Asbeck» («Азбек») не характерна для большинства летописей. В Софийской I вехе читается «Озбик»; во Владимирском летописце — «Озбик»; в Рогожском летописце, в Тверском сборнике, во Лыбонской,⁵⁶ Ермолинской, Типографской летописях — «Озбик»; в Московском своде 1480 г. — «Озбек»; в сводах 1493, 1495 и 1497 гг. — «Озбик» и «Озбик».⁵⁷ В других летописях встречаем с написанием и «Озбек», и «Азбек». В Пискаревской, Вологодско-Черемской и Софийской, в своде 1518 г., в известии о смерти хана он назван «Азбиком», в сообщении о его востшествии на престол — «Озбиком». В Никоновской вехе читаем «Азбек».⁵⁸

⁵² ПСРЛ, т. X, стр. 135; т. XV, стр. 394; т. XX, ч. 1, стр. 162; т. XXIV, стр. 137; т. XXV, стр. 140, 141; т. XXVIII, стр. 56, 57, 245. В других летописях этой статьи нет.

⁵³ Герберштейн, стр. 138.

⁵⁴ ПСРЛ, т. X, стр. 101.

⁵⁵ Герберштейн, стр. 131. Дата смерти Узбека, который наследовал по Батыю, в Тихте, указав неверно.

⁵⁶ Во Лыбонской летописи в известии 1310 г. хан назван «Азбиком». ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 177.

⁵⁷ ПСРЛ, т. V, стр. 206, 207, 208, 218, 221, 222; т. XIII, стр. 102, 103, 107, 127; т. XV, стлб. 54, 410, 414, 418; т. XV, ч. 1, стр. 174, 177, 178, 180, 181; т. XXI, стр. 97, 101—103, 105, 106, 108; т. XXIV, стр. 107, 108, 117, 229; т. XXV, стр. 160, 161, 166, 169, 171—173; т. XXVII, стр. 237, 239, 323, 324; т. XXVIII, стр. 65, 67—70, 142.

⁵⁸ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 50, 62, 63, 65; т. XXVI, стр. 114; т. XXVIII, стр. 225, 227, 228, 230; ср.: т. X, стр. 179, 184, 182, 188, 189, 194, 195, 201—203, 206—213.

Рассказывая о русско-татарских отношениях в XIV в., Герберштейн сообщает о набеге Тахтамыша: «Власть получил в 6890 году от сотворения мира Тахтамыш и, выступив с войском XXVI Августа, опустошил Москву огнем и мечом».⁶⁰ Сообщение известно почти всем летописцам. Кажется, единственным исключением является Софийская летопись, в которой оно пропущено. Несмотря на лаконичность известия, видимо, можно определить ту группу источников, откуда оно было заимствовано Герберштейном. Обращает внимание выражение «огнем и мечом». Вероятно, автор «Записок», всегда отличающийся вниманием к тексту источника, сохранил и здесь, несмотря на сокращение,⁶¹ фразеологическое летописное выражение. Но не во всех летописях находим выражение, заимствованное Герберштейном. В сводах 1480, 1493, 1495 гг., в Ермолицкой, Львовской летописях, во фрагменте о разгроме Москвы слово «меч» не упоминается; в Типографской нет ни слова «меч», ни слова «огонь»; в Рогожском летописце есть слово «меч», но нет слова «огонь»; Владимирский летописец сокращает свое повествование до простого упоминания об этом событии (никакого описательного элемента у него нет).⁶² Своды 1497 и 1518 гг. также слова «меч» не знают, и кроме того, у них дата захвата Москвы указана неверно — 16 августа.⁶³ Видимо, выражение было заимствовано Герберштейном из другой группы источников: Воскресенская, Пискаревская, Вологодско-Пермская и Пискаревская летописи.⁶⁴ В этих летописях выражение «огнем и мечом» сходит себе параллель. Вот как читается этот фрагмент в Пискаревской летописи (в одном из ее вариантов — «Древней летописце»): «взвизна град Москву месяца Августа в 26 день. . . и град огнем зашашиа, а товар и богатство все разграбиша, а людей мечю продана. И бысть отголе огни, а отселе мечь; онии от огня безчачи, мечем помроша, а дружини, от меча безчачи, огнем згорочна».

Рассказ Герберштейна о захвате Тамерланом пограничного русского города Ельца и о несостоявшемся походе грозного «Железного Хромца» на Русь также заимствован из русских летописей. Почти все события, изложенные в «Записках», взяты из особой древнерусской повести о «Приходе Темир-Аксака». В ней рассказывается о продвижении орд Тамерлана к восточ-

⁶⁰ Герберштейн, стр. 140.

⁶¹ Настоящий фрагмент, возможно, даже не сокращен. Во многих летописях перед датой или после даты падения Москвы идет фраза о разорении, смерти горожан от меча завоевателей и истреблении города от огня. Герберштейн мог просто взять эту единственную фразу на всего текста статьи 6890 г.

⁶² ПСРЛ, т. XIII, стр. 128; т. XIV, вып. 1, стр. 144; т. XX, ч. 1, стр. 201; т. XXIII, стр. 129; т. XXIV, стр. 153; т. XXV, стр. 209; т. XXVII, стр. 253, 313.

⁶³ ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 84, 247.

⁶⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 46; т. XI, стр. 78; т. XXVI, стр. 150; т. XXVII, стр. 79.

ной границе Руси, о приготовлении русских к отражению нападения, о «чудесах» и «замечаниях» владимирской иконы божией матери, благодаря которым, по мнению автора «Повести», татарские полчища повернули назад, о перенесении иконы в Москву и о сооружении в ее честь храма. Памятник содержит также подробные и, видимо, наиболее точные для европейской историографии того времени сведения о самом Тамерлане. Несмотря на сокращения, близость рассказа Герберштейна и «Повести» не вызывает сомнения.⁶⁴

Какая же группа источников могла послужить для этого известия? Прежде всего отметим, что известие о приходе Тамерлана и «Повесть о приходе Темир-Аксака» значительно отличаются. Источники, содержащие статьи о нашествии Тамерлана, могут не содержать «Повести». Так, в Воскресенской, Софийской, Ермолинской летописях, и сводах 1480, 1493, 1497 и 1518 гг. «Повести» нет, хотя есть сообщения о набегах Тамерлана.⁶⁵ В других памятниках сокращена и сама летописная статья (Владимирский летописец, Рогожский летописец, Никаноровская и Вологодско-Черемская летописи, свод 1495 г.). Наконец, во Львовской, Тинографской и Никоновской летописях находим «Повесть о нашествии Темир-Аксака», сходную с тем рассказом, который находится в «Записках».⁶⁶ Но Герберштейн не использовал Тинографской летописи. В «Записках» находим правильную дату церковного праздника сретения — 26 августа, а в Тинографской ошибочную — 2 февраля.

Обращает на себя внимание название иконы владимирской божией матери, которую привезли в Москву. Во Львовской летописи (как почти во всех летописях) — «икона пречистой Владычицы нашей Богородицы», и Никоновской (во всех основных списках) — «икона пречистой Богородицы». Наибольшее сходство названия иконы Герберштейна с названием иконы упомянутого выше списка Никоновской летописи — «Древним летописцем».⁶⁷

Герберштейн
«Образ пресвитой Девы Марины».

Древний летописец
«Икона пречистой Владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марины».

На этом обрываются события, датированные Герберштейном «русским стилем». Но, возможно, и другие известия о русско-

⁶⁴ «Повесть» в самостоятельном виде не сохранилась, содержится лишь в летописях.

⁶⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 65; т. V, стр. 248; т. XXIII, стр. 135; т. XXV, стр. 222; т. XXVII, стр. 260, 261; т. XXVIII, стр. 86, 250, 251.

⁶⁶ ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 212—214; т. XXIV, стр. 460—462; т. XI, стр. 158—161; ср.: Герберштейн, стр. 140.

⁶⁷ ПСРЛ, т. XI, стр. 243. Это название иконы дано из заглавия статьи.

казанских отношениях автор «Заниско» мог почерпнуть из русских летописей. Так, сообщения о привлении в Казани Махмет-Амшия и Абдул-Мотифа, о крещении казанского царевича в Москве, получившего имя Петра, о его женитьбе на сестре великого князя Василия, о столкновении московских ратей с татарами на Волге, о посещении царицей Елизаветой Москвитин находят параллели и известия московских летописей начала XVI в. Много фактического материала почерпнул Герберштейн и из устных рассказов.

Основою вывод А. В. Флоровского об использовании Герберштейном московских сводов не подлежит сомнению. Можно лишь конкретизировать этот вывод. Источниками Герберштейна были два московских памятника: первый — свод 1518 г. (Уваровская летопись), второй — один из источников Никоновской летописи, весьма близкий к «Древнему летописцу».

Л. И. ИВНИА

ВКЛАДНАЯ И КОРМОВАЯ КНИГА СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

Своеобразным источником по истории землевладения и внутренней политики Русского государства конца XIV—XVI в. служит вкладная и кормовая книга Московского Симеонова монастыря.

Подобные исторические источники давно привлекали внимание историков, изучавших социально-экономическую историю России XV—XVI вв. Отдельные из них были изданы.¹

Очень много для изучения таких источников сделал С. Б. Веселовский. Им, в частности, были сняты копии вкладных книг некоторых монастырей.² Хотя многие источники (в том числе и вкладные книги), скопированные и изученные С. Б. Веселовским, не стали предметом специального рассмотрения в опубликованных его работах, тем не менее они составляют важнейшую основу, на которую опирался ученый в своих исследованиях, посвященных истории социально-экономических отношений на Руси XV—XVI вв., а также представляют богатейшую сводку материалов, доступную историкам, занимающимся с его фондом в Архиве АН СССР. В опубликованных работах С. Б. Веселовского и некоторых других историков, занимавшихся изучением причинны

¹ Литературу по этому вопросу см.: А. А. З и м и н. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 65—66.

² Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, д. 18 и др.